

TO

Счастье-

ТО

В ПРОЗЕ И СТИХАХ

какое!

СОСТАВИТЕЛЬ **МАЙЯ КУЧЕРСКАЯ**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОЙ

Издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С93

Составители *Майя Кучерская, Алла Шлыкова*

Художник *Андрей Рыбаков*

Издательство благодарит литературные агентства
“Banke, Goumen & Smirnova” и “Elkost Intl”
за содействие в приобретении прав

С93 **Счастье-то какое! В прозе и стихах / Сост. Майя Кучерская, Алла Шлыкова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 429, [3] с. — (Русский рассказ).**

ISBN 978-5-17-107201-8

«Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского счастья... Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь в сладком уединении, в чужом городе — однако ненадолго; как поколотите замучившего всех гада, как будете ждать рождения нового человека, как встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать свадебный торт, запивая испанским хересом, — словом, заживете жизнью героев всех помещенных в сборнике историй».

В сборник вошли новые рассказы известных писателей (Н.Абгарян, М.Степновой, А.Гениса, М.Москвиной, Е.Бабушкина и многих других), стихотворения М.Степановой, К.Капович, П.Барсковой, С.Гандлевского, Л.Оборина, Д.Воденникова, Д.Быкова, а также лучшая проза выпускников Школы литературного мастерства “Creative Writing School”.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н.Ю.Абгарян, Е.А.Бабушкин,
П.Ю.Барскова и др., 2018.

© Составление, оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2018.

ISBN 978-5-17-107201-8

Содержание

- Майя Кучерская** Счастливо значит долго 7
- Дмитрий Быков** Счастье 15
- Марина Степнова** Эфир 19
- Наринэ Абгарян** Ангелы 37
- Марина Вишневецкая** Что есть счастье 49
- Анна Матвеева** Ида и вуэльта 57
- Ксения Букша** Я – Максим 75
- Катя Капович** Бабочка огонь перелетела 89
- Евгения Некрасова** Лакшми 93
- Сергей Носов** Судьба 117
- Ирина Жукова** На счастье 125
- Полина Барскова** Вещь, полезная для злых и добрых 133
- Тимур Валитов** Новая земля 137

- Сергей Шаргунов** Ты – моя находка **147**
- Дмитрий Воденников** Повторяй за мной **159**
- Евгений Водолазкин** Детский сад **163**
- Сергей Гандлевский** Счастье есть **175**
- Татьяна Кокусева** Дерись! **181**
- Ярослава Пулинович** Кредит **191**
- Игорь Сахновский** Аленький цветочек **219**
- Екатерина Златорунская** Голубое или розовое **227**
- Алексей Слаповский** Новая жизнь **237**
- Михаил Кузнецов** Мне не страшно **289**
- Лев Оборин** Движение по прямой **307**
- Евгения Костинская** Совы на руках **311**
- Мария Степанова** Золотое зеркало **319**
- Александра Шевелева** Шопен **325**
- Яна Вагнер** Один нормальный день **331**
- Евгений Бабушкин** Сказка про серебро **355**
- Матвей Булавин** Безмятежность **361**
- Марина Москвина** Глория мунди **377**
- Александр Генис** Уколы счастья **417**

Об авторах **426**

Майя Кучерская

Счастливо значит долго

Вместо предисловия

Известный историк раннего кино Юрий Цивьян ввел замечательное понятие: Russian endings, русские финалы. Цивьян обнаружил: фильмы, сделанные в России и рассчитанные на нашу аудиторию, обычно завершались трагически, но в тех же самых фильмах, предназначенных на экспорт, конец нередко изменялся с печального на счастливый. Русская версия картины «Рукою матери» Якова Протазанова, например, венчалась гибелью героини и гробом, американская — неожиданным спасением бедной Лидочки.

«Несчастные» русские финалы в черно-белом кино стали логичным продолжением печальных финалов, отлично освоенных русской литературой. Начиная с «Бедной Лизы» Карамзина, русская словесность исполняла нескончаемую погребальную песнь по счастью, из романа в роман, из пьесы в пьесу оплакивая раннюю смерть или гибель героев, заламывая руки над абсолютной невозможностью любить любимых и никакими силами неотменимой нуждой оставаться с постылыми. Исключения, редкие и словно бы случайные, только усиливали этот общий поминальный настрой.

Майя Кучерская

Хеппи-энд — это не про нас, русская литература лучше всего умеет рыдать. Изредка строить утопии из алюминия и стекла, смешные и нежизнеспособные. В крайнем случае рассказывать об озарениях, которые вполне заменяют пережившим их героям счастье; а поскольку к этому особенно склонны лучшие наши авторы, то прозрения в русской прозе получаются действительно сильными. Живой колеблющийся глобус Пьера Безухова, звездное небо Алёши Карамазова, не говоря уж о небе с ползущими облаками Андрея Болконского. Но и это почти всегда — довольно странное счастье, как правило, полученное ценой довольно ощутимых утрат.

Неужели описание полноценного, спокойного счастья — действительно экзотика для русской литературы? Неужели счастье на русском языке невозможно? Так думала я каждый раз, открывая очередной русский роман и замирая: может быть, здесь?

Вот очередной. Герой влюблен, очарован, наконец-то он дозрел до подлинной глубины чувства, и вот он гуляет в любовной горячке вокруг *ее* дома, тут и *она* выходит в сад. Они сталкиваются.

Повезло-то! Встретил в полночь ту самую, о которой мечтал, вот она перед тобой, в ночном саду, выкрикни ей поскорее: люблю! А он выкаркивает, выхаркивает, еле-еле:

«— Я не думал прийти сюда, — начал он, — меня привело... Я... я... я люблю вас, — произнес он с невольным ужасом».

С ужасом. Еще бы, наконец-то влюбился всерьез, может ли быть что-то ужаснее?

Что же она? Рада, улыбается ему? Разумеется, нет! Тоже ужасается и плачет. Юная, красивая, ясная вступает в рассвет своей женской жизни, полюбил добрый, порядочный, благородный человек, чего ж еще? Но нет.

«Он встал и сел подле нее на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядела на него своими влажными глазами.

— Мне страшно; что это мы делаем? — повторила она.

— Я вас люблю, — проговорил он снова, — я готов отдать вам всю жизнь мою.

Счастливо значит долго

Она опять вздрогнула, как будто ее что-то ужалило, и подняла взоры к небу.

— Это всё в божьей власти, — промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы?

Она опустила глаза; он тихо привлек ее к себе, и голова ее упала к нему на плечо... Он отклонил немного свою голову и коснулся ее бледных губ».

«Дворянское гнездо» Тургенева. Вместо сцены обретения полноты — сцена почти изнасилования. Изнасилования счастьем, которое тургеневским девушкам не нужно даром.

И не только тургеневским. Один знаменитый роман целиком теме счастья посвящен.

Вот Анна Каренина возвращается из Москвы, где ей удалось помирить Долли и Стиву, параллельно расколов мир Кити и навсегда пленив Вронского. В поезде Анна читает роман. Это английский роман. Ей хочется жить жизнью его героев, делать всё то же, что они, — ухаживать за больными, скакать на лошади. Но чем дальше, тем Анне делается беспокойнее.

«Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имения, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? “Чего же мне стыдно?” — спросила она себя с оскорбленным удивлением. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крепко сжав в обеих руках разрезной ножик. Стыдного ничего не было».

Было, было стыдное! Счастье. Счастье стыдно. Тем более английское, оскорбительно низкое, материальное, с баронетством и имением.

Потому и Вронский, добившись, наконец, от Анны того, чего желал целый год, восклицая, что она жизнь его, что теперь достигнуто именно оно (о наконец-то!), счастье, слышит в ответ:

«Какое счастье! — с отвращением и ужасом сказала она, и ужас невольнo сообщился ему. — Ради бога, ни слова, ни слова больше».

Майя Кучерская

В осуществлении желания, в соединении двух любящих людей один только ужас, отвращение. Но имение Воздвиженское Вронский и Анна, подобно героям читанного в поезде романа, все-таки обустраивают, и на английский манер, с щегольством и роскошью; Анна даже признается приехавшей к ней в Воздвиженское Долли, что «счастлива до неприличия». Впрочем, и это вскоре обернется мороком, самообманом, а там и «угасшей свечой».

Вот и разгадка феномена русских финалов. Вот почему вскоре тот же закон переместился в кино. Русские по-другому не понимают и не чувствуют. Так что когда американцы и европейцы под титры ликовали, радовались соединению возлюбленных, внезапному наследству, прощению, преобразению, освобождению героев от всех бед и невзгод, русские испытывали катарсис, наблюдая, как главный герой умирает, а любящие друг друга люди разъезжаются навсегда. В мгновение счастья обязательно заколачивался гвоздь.

Формула этой любви скрыта в стихотворении Батюшкова, посвятившего свой текст как раз Аркадии счастливой и жившей в ней пастушке.

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы рѣзвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила;
Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
Могила!

Но, вопреки очевидному, мне отчего-то по-прежнему хотелось прочитать, наконец, истории на русском языке — о счастье, не лубочном, не украденном на два часа, а глубоком, долгом, свободном, безбрежном, без крышек и могил. И пусть любимый русскими авторами механизм, который они ошибочно связывали кто с христианской системой ценностей, кто с закона-

Счастливо значит долго

ми бытия — «счастье надо заслужить», — наконец хряпнет и сломается, потому что он ложь, обман, сужение бесконечности неба. Ничего не надо заслуживать. Бог милостив. Радуйся и веселись. И еще мне хотелось понять, какое же оно, наше русское счастье сейчас, сегодня, в XXI веке. При каких условиях и в каких пределах возможно.

Так и родился этот сборник.

Вместе с Редакцией Елены Шубиной мы попросили современных авторов написать рассказ или эссе про счастье. А чтобы картина получилась полноцветной, обратились не только к известным, но и совсем к молодым писателям, в том числе выпускникам литературной школы Creative Writing School, которой я руковожу. Нам подумалось, может быть, у непопотоного поколения со счастьем дело обстоит иначе? И конечно, пригласили поэтов.

И — поразительно! — получилось.

Легче всего про счастье говорить, разумеется, стихотворцам. Им же не говорить — петь, курлыкать, а поется про счастье проще.

Однако и многие авторы прозаических текстов рассказали о счастье так, как, кажется, прежде о нем не говорили.

Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского счастья вместе с нами. Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь в сладком уединении, в чужом городе — однако ненадолго, как поколотите замучившего всех гада, как будете дышать паром в гладильной туберкулезного диспансера, как с перехваченным от ужаса горлом будете ждать рождения нового человека, как испытаете отчаяние перед входом в детский сад, встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать розовый свадебный торт, запивая испанским хересом, — словом, заживете жизнью героев всех помещенных в сборнике историй и из всех переделок внезапно вынырнете счастливым. Потому что эти рассказы действительно про счастье. Даже удивительно, как всем авторам удалось передать это ощущение, ощущение реальности и абсолютной возможности счастья. Может быть, секрет здесь в множественности этих возможностей.

Майя Кучерская

Счастье — это когда ты живой. Ешь борщ из щавеля, смотришь красивый фильм, дышишь. Потому что жизнь — трудная, сплетенная из разлук, боли, утрат — дар.

Счастье — это когда ты взрослый и отвечаешь за себя.

Счастье — это движение вперед.

Счастье — это когда ты спокоен.

Счастье — это внутренняя трезвость.

Счастье — когда ты любишь, ну, конечно.

Счастье — это иногда укол, мгновение, но оно может оказаться длиной в жизнь, оно запросто может стать синонимом «долго», да-да, как совсем в другом варианте русского финала: жили они долго и счастливо.

Счастливо = долго.

*Счастье-то
какое!*

Дмитрий Быков

Счастье

1.

Старое, а в чем-то новое
чувство начала февраля,
Небо серое, потом лиловое,
крупный снег идет из фонаря.

Но ясно по наклону почерка,
что всё пошло за перевал,
Напор ослаб, завод кончился,
я пережил, перезимовал.

Лети, снег, лети, вода замерзшая,
посвети, фонарь, позолоти.
Всё еще нахмурено, наморщено,
но худшее уже позади.